

Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЙ ОБ АБОРИГЕНАХ И МАЛАЙЦАХ МАЛАККСКОГО ПОЛУОСТРОВА¹

Имя Н. Н. Миклухо-Маклая в глазах миллионов людей связано с папуасами. Лишь узкому кругу специалистов известно, что он изучал и население глубинных районов Малаккского полуострова, совершив туда в 1874–1875 гг. путешествия, занявшие у него 165 дней в общей сложности. Что побудило ученого к этим поездкам? Одержимый идеями всестороннего исследования папуасов и стремлением выяснить их происхождение, он искал родственные папуасам народы по всему миру, что и привело его в 1873 г. в горные области Лусона к аэта, а в следующем году — на полуостров Малакка. Результаты своих путешествий во внутренние области Малаккского полуострова Миклухо-Маклай вскоре опубликовал в голландских, немецких и английских журналах [Miklucho-Maclay 1873; 1874: 230–254; 1875a; 1875b: 303–304; 1875c: 309–312; 1876: 3–26; 1878: 205–221]. Путешествия по Малакке мыслились как важные, но все-таки дополнительные для решения главных вопросов, которые ставил исследователь, но собранные им материалы и выводы приобрели совершенно самостоятельное научное значение, так как способствовали решению проблем собственно аборигенов Малаккского полуострова.

Для того чтобы было яснее, о каких народах идет речь, напомним, что аборигены Малаккского полуострова составляли следующие этносы: семанги (около 3 тыс.), сенои (около 32 тыс.), протомалайцы, из которых самыми многочисленными являются джакуны (около 10 тыс.) [Брук 1981: 482]². Н. Н. Миклухо-Маклай называет сеноев распространенным в его время термином *sakai*, а джакунов — *якун*.

Я попытаюсь оценить сведения Миклухо-Маклая об аборигенах Малакки, с одной стороны, с точки зрения науки конца XIX — начала XX в., с другой стороны, исходя из современных знаний о них.

Н. Н. Миклухо-Маклай побывал у племен Малаккского полуострова во то время, когда европейские исследователи только начинали знакомиться с ними. Основные, ставшие впоследствии классическими труды по этим народам были еще впереди — они вышли почти через 30 лет после статей Миклухо-Маклая [Martin 1903; Skeat, Blagden 1906]. Тем не менее у русского исследователя были предшественники; сам он отмечал, что об этих племенах написано уже немало. Однако все написанное не удовлетворяло Н. Н. Миклухо-Маклая, поскольку не решался главный, с его точки зрения, вопрос: существует ли на Малайском полуострове (во времена Миклухо-Маклая именно так по английской традиции называли п-ов Малакку) племя, совершенно отличное от племен малайской расы, или, по крайней мере, следы такового [Миклухо-Маклай 1950, II: 202, 210]. Он ответил на

¹ Впервые опубликовано в: ЭО. 1994. № 1. С. 134–148.

² Численность приведена по современным данным.

этот вопрос вполне определенно, основываясь на собственных изысканиях. Суть его научных результатов, вытекающих из антропологических, этнографических и лингвистических наблюдений, состоит в следующем.

1. В южной части Малаккского полуострова, в Джохоре (или Иохоре, по терминологии ученого), живут народности смешанного происхождения (*оран утан*) со значительной примесью малайской крови, но сохраняющие следы меланезийского происхождения. 2. В северной части Малаккского полуострова обитают сакаи и семанги — племена, стоящие очень близко друг к другу как по физическому типу, так и по языку. Они представляют собой чистое, несмешанное ответвление меланезийцев [Миклухо-Маклай 1950, III (1): 353]. «Эти люди, — пишет он в письме к О. Бётлинку, видному специалисту в области сравнительного языкознания, — являются первоначальными жителями этих областей, по своему физическому типу принадлежат к меланезийской расе. Ведя бродячий образ жизни, уходя под напором малайцев все дальше в горы и леса полуострова, они остались несмешанными и еще сохраняли собственный язык» [Миклухо-Маклай 1951, III (1): 375].

Н. Н. Миклухо-Маклай отвергал взгляды своих предшественников на племена Малакки, — И. Логана, Д. Кроуфорда, Т. Ньюболда и др., считая их свидетельства сбивчивыми и противоречивыми, основанными на признании значительного сходства племен [Миклухо-Маклай 1951, III (1): 325, 352; Logan 1853; Newbold 1839; Crawford 1856; Low 1850; Waitz 1865]. Между тем взгляды тех ученых, которых называет Миклухо-Маклай, так же как и других, интересовавшихся антропологическими проблемами Малаккского полуострова, — Рэффлза, Андерсона, Эрла, отличаются друг от друга иногда настолько, что их трудно сопоставлять. В то же время некоторые выводы Миклухо-Маклая приближаются к взглядам тех ученых, теории которых он в целом не признавал. Так, Миклухо-Маклай справедливо не разделяет точку зрения Дж. Лоу о сходстве сакаев, семангов и малайцев, но при этом он, как и его предшественник, считает сакаев и семангов одним и тем же по происхождению племенем. Его не удовлетворяет взгляд Т. Ньюболда, подчеркивающего антропологическое сходство сакаев, семангов и джакунов, с одной стороны, и малайцев — с другой. Но и сам Миклухо-Маклай отмечает сходство джакунов с малайцами: «Общий тип лица у этих людей не отличается от малайского, не зная, что это так называемые оран утан, я бы не подумал, что нахожусь среди малайского населения» [Миклухо-Маклай 1950, II: 143]. Указывая на различия в физическом облике сакаев, семангов и малайцев, чего не заметил Т. Ньюболд, Миклухо-Маклай опять ошибочно относит первых двух к одному племени — меланезийцам [Миклухо-Маклай 1951, III (1): 325, 358]. Настаивая на сходстве джакунов и малайцев, Миклухо-Маклай отмечает и антропологические отличия джакунов от малайского типа, и в этом он, конечно, оказался более проницательным, чем такие его предшественники, как Дж. Лоу или Т. Ньюболд, не видевшие этих отличий. Тем не менее нельзя не признать, что Миклухо-Маклай и эти ученые придерживались одинаковой точки зрения о едином происхождении всех племен внутренних областей Малаккского полуострова, с той лишь

разницей, что Лоу и Ньюболд объединяют аборигенов Малакки с малайцами, а Миклухо-Маклай — с папуасами и меланезийцами в целом.

Обратимся к взглядам И. Логана и Д. Кроуфорда. Они писали только о семангах и справедливо считали их негритами. Кроуфорд еще в 1820 г. утверждал, что все негроидные формы от Андаманских островов до Новой Гвинеи генетически связаны. В этом отношении взгляды Миклухо-Маклая и Кроуфорда предельно близки. Правда, позже, в 1856 г., Кроуфорд отмечал различную расовую принадлежность азиатских негритосов и негро-малайцев, стоящих между малайцами и папуасами, но и в таком виде взгляды Миклухо-Маклая, считавшего по крайней мере джакунов смешанным меланезийско-малайским племенем [Миклухо-Маклай 1950, II: 217], не так уж далеко отстоят от взглядов Кроуфорда, которые он не приемлет. Логан и Кроуфорд отмечали при этом разное происхождение семангов и джакунов и были, конечно, ближе к истине, чем Миклухо-Маклай. Не вникая в тонкости гипотезы Логана и Кроуфорда, касающейся только семангов, Миклухо-Маклай распространяет ее и на другие племена Малаккского полуострова. Приписав своим предшественникам взгляды, им не свойственные, Миклухо-Маклай оспаривает их, противопоставляет им свою точку зрения. Именно целостное неприятие выводов всех предшественников Миклухо-Маклая и его увлечение собственными открытиями в области антропологии и лингвистики привели к тому, что он создал картину научных подходов к проблеме малаккских аборигенов, не вполне соответствующую истинному положению дел. Сравнивая сейчас точку зрения Миклухо-Маклая и отвергаемые им гипотезы и теории его предшественников, можно заметить, что между ними всеми нет резкого различия: каждый из ученых оказался прав в одном и неправ в другом. И Лоу, и Ньюболд, и Миклухо-Маклай отмечали сходство малайцев с джакунами, но истоки этого сходства видели неодинаково: английские ученые считали, что все народы, населяющие Малаккский полуостров, родственны по происхождению, Миклухо-Маклай усматривал малайское влияние на физический облик джакунов, которые исконно, по его мнению, были меланезийцами. В действительности же сходство, в частности джакунов и малайцев, объясняется тем, что джакуны — это одно из протомалайских племен, родственное по происхождению малайцам. Что касается расхождений Миклухо-Маклая с Логаном и Кроуфордом, то они объясняются непомерно расширительным толкованием русским ученым взглядов его английских предшественников.

Если рассмотреть полемику Миклухо-Маклая в рамках научной атмосферы конца XIX в., то она покажется гораздо глубже отдельных критических выпадов. Не согласившись с мнением антрополога Т. Вайца о семангах как особой расе, Миклухо-Маклай отметил, что это мнение осторожное и не позволяющее возражать, но, во всяком случае, неудовлетворительное [Martin 1903: 1005—1006]. Эти высказывания не столько направлены против взглядов Т. Вайца, сколько выражают стремление поддержать паннегритоскую теорию, резким оппонентом которой был Т. Вайц и, наоборот, приверженцем которой был Миклухо-Маклай, имевший здесь немало после-

дователей и союзников. Паннегритосская теория возникла еще в начале XIX в., получила довольно широкое распространение в конце XIX — начале XX в. Согласно ей, устанавливалась связь между всеми негритосами и неграми Африки и папуасами, причем под папуасами и в то время, и позже подразумевались все негроидные азиатские и океанийские расы. Применительно к Малайе отметим, что выдающийся ученый В. Шмидт был также сторонником африканского происхождения негритосов Малаккского полуострова; его ученик П. Шебеста, специально занимавшийся проверкой этой гипотезы, сыграл огромную роль в изучении негритосов и пришел к отрицанию их африканского происхождения [Schmidt 1910; Schebesta 1952: 478–479].

Т. Вайц, выступая против паннегритосской теории, утверждал, что в семангах так же мало африкано-негроидного компонента, как и папуасского, с чем, конечно, Миклухо-Маклай согласиться не мог. В современной теории рас принята более подробная и многоступенчатая классификация, в которой выделяются негритосский, собственно меланезийский и папуасский типы, входящие в меланезийскую расу и далее в негро-австралоидную большую расу. Таким образом, подтверждается негроидный характер семангов, как считали Кроуфорд, Логан, Раффлз и другие исследователи, в том числе и Миклухо-Маклай, хотя сам он думал, что противостоит им. Подтверждается также близость негритосов, папуасов и меланезийцев по расовым признакам, которую видел Миклухо-Маклай. Таким образом, полемика его с предшественниками с течением времени утратила существенный характер и стала фактом истории науки. То же самое можно сказать и о разногласиях Миклухо-Маклая с Т. Вайцем. Сейчас, когда утверждается идея о независимом происхождении африканских и азиатских пигмеев, параллельном возникновении негритосских типов в разных районах Юго-Восточной Азии и неправомерности их объединения в единую группу негритосских популяций и о возможности считать семангов подрасой внутри большого негроидного ствола [Левин 1946; Wagenseil 1967: 1–25; Glinka 1981: 79–113], паннегритосская теория сама по себе отпала, и в конечном счете абсолютно правыми относительно происхождения негритосов, в частности семангов, не оказались ни сторонники, ни противники этой теории. Однако и сейчас, спустя более чем 100 лет после посещения Миклухо-Маклаем аборигенов Малаккского полуострова, проблема их происхождения не может считаться вполне решенной. Только в начале XX в. она была поставлена по-настоящему в фундаментальном труде У. Скита и Ч. Блэгдена, которые использовали также работы Миклухо-Маклая. Именно в этом труде была высказана теория происхождения народов внутренних областей Малакки, которая с некоторыми уточнениями и сейчас принята в науке. Согласно этой теории, аборигены Малаккского полуострова принадлежат соответственно негроидной (семанги), веддоидной (сеной или сакаи) и южнотомоголоидной (джакуны) расам [Skeat, Blagden 1906: 30]. Сейчас ученые склонны признать принадлежность сеноев также к южнотомоголоидной расе, усматривая их близость к горным народам Индокитая — точка зрения,

восходящая еще к В. Шмидту [Carey 1976; Endikott 1979]. Можно добавить к этому, что и в настоящее время проблема происхождения негритосов Малаккского полуострова остается не решенной окончательно. С одной стороны, отвергаются непосредственные связи между негритосами Юго-Восточной Азии и низкорослыми меланезийцами; с другой — негритосов считают остатками древней палеомеланезийской расы, прошедшей через Юго-Восточную Азию на своем пути к современной Меланезии. Иногда их называют локальным вариантом аустромеланезийского или австралоидного расового ствола. Имеется немало свидетельств о генетической связи негрито и протомалайцев, об антропологической однородности семангов и сеноев [Coon 1962; 1965; Cole 1965: 48—49; Glinka 1978; 1988]. Все это говорит лишь о том, что Миклухо-Маклай с его теорией генетической близости негритосов с меланезийцами может быть равноправным участником не прекращающейся и до сих пор дискуссии о происхождении негритосов.

После рассуждений об антропологических гипотезах Миклухо-Маклая возникает вопрос, какие же конкретно племена он все-таки изучал? Этот вопрос может показаться неуместным, так как в своих работах он сам как раз перечисляет множество племен, которые видел: оран улу, оран сакай, якун, оран райет, оран мантра, берсисси, оран букит, оран утан, оран семанг, оран удай, оран лиар, оран геггасси и т. п. Большинство из перечисленных названий — не этнонимы, а малайские названия либо всех «диких» народов (*оран утан* — «лесные люди», *оран лиар* — «дикари» и т. п.), либо названия одного и того же народа в зависимости от местности, где он обитает (*оран далам* — жители внутренних районов, *оран улу* — обитатели верховьев рек, *оран букит* — жители холмов и т. д.). Действительно этнонимами являются только *семанги*, *сенои* и *джакуны* (*якуны*). Для того чтобы понять, у каких племен был Миклухо-Маклай, а точнее, был ли он именно у тех, кого он называет джакунами или сакаями, прежде всего обратимся к карте путешествий, составленной самим ученым.

Судя по карте, и во время первого, и во время второго путешествий он посетил места расселения джакунов, т. е. южную часть Малаккского полуострова. В первый раз он посетил, очевидно, также места обитания семангов, так как слышал об оран текам (или оран панган), однако видеть их ему не удалось. Причем Миклухо-Маклай считал эти племена сакаями. Второе путешествие сначала повторило маршрут первого; затем путь ученого проходил по северной части Малаккского полуострова, где сосредоточено в основном семангское население, а не сенои или сакай, как он их называет. Пишет же он о сакаях. Во время второго путешествия Миклухо-Маклай был уверен, что видел только двух семангов, но так как он еще раньше пришел к выводу о родственном происхождении всех трех групп населения Малакки, то в своих заметках часто не делает между ними разницы и рассматривает их в целом.

Краткое этнографическое описание свидетельствует, что во время второго путешествия Миклухо-Маклай скорее всего видел семангов и общался с ними, так как фиксирует такие черты культуры, которые характерны преж-

де всего для семангов, однако сам исследователь по-прежнему считает, что описывает сакаев. Так, он отмечает, что нашел у оран сакай оружие — лук со стрелами, снабженными железными наконечниками [Миклухо-Маклай 1951, III (1): 359]. Подобное оружие сохранилось в то время только у семангов. Имеется у семангов и духовое ружье (стрелометательная труба), но переняли они это оружие у сеноев [Pleyte 1891b: 265; Brandt 1961: 144; Carey 1979: 73]. В одной из записных книжек есть такое замечание: «тип[ичные] ор[ан] ут[тан] — братья Ахмата не имеют *сумпитана* (духовое ружье по-малайски. — *Е.Р.*)» [АРГО 6. Оп.1. № 48: 59], что косвенно указывает на то, что в данном случае под названием *оран утан* («лесные люди») скорее всего имеются в виду семанги, которые не имели духовых ружей, а пользовались луком со стрелами.

Далее Миклухо-Маклай пишет о носовой перегородке у сакаев. Обычай вставлять палочку или иглу дикобраза в нос распространен как у сеноев, так и у семангов. Если раньше считалось, что этот обычай типичен только для сеноев [Skeat, Blagden 1906: 252], то сейчас есть веские доказательства считать его характерным и для различных семангских племен. Он известен только у тех племен сеноев, которые живут в тесном контакте с семангами, особенно у темиаров, причем сами темиары при виде человека чужого или из другого племени тотчас вытаскивают палочку из носа [Carey 1976: 75, 209, 213]. Темиары живут в основном в горных районах северо-западной части Малаккского полуострова, где проходит водораздел между реками Перак и Келантан. В этих районах Миклухо-Маклай не был. Следовательно, обычай вставлять палочку в нос относится скорее всего к семангам, которых Миклухо-Маклай воспринимал как сеноев.

Коснемся еще одного обычая, зафиксированного Миклухо-Маклаем, — татуировки. Из его очень краткого описания неясно, идет ли речь действительно о татуировке или о раскрашивании и скарификации. Эту нечеткость описания отметили у него У. Скит, Ч. Блэгден и Р. Мартин. Во всяком случае, татуировка распространена у сеноев, у семангов же встречается крайне редко [Skeat, Blagden 1906: 28]. Но обратимся не к статье Миклухо-Маклая, а к его дневниковым записям этого же времени, относящимся к оран текам или оран панган, живущим в районе р. Пахан[г]. Напомню, что сами названия племен, как уже говорилось выше, принадлежат семангам. Миклухо-Маклай пишет о татуировке, но разъясняет ее таким образом: «Делают на щеках и на теле надрезы» [Миклухо-Маклай 1950, II: 152]. Совершенно ясно, что речь идет о скарификации, которая действительно характерна для семангов, но называет он этот обычай татуировкой.

Таким образом, изучив по карте маршруты двух путешествий Миклухо-Маклая и внося некоторые уточнения в сделанные им этнографические описания племен, можно считать, что он действительно был у джакунов, и выразить большое сомнение в том, что он посещал сеноев (сакаев). Скорее всего он общался с семангами. Еще более убеждает в этом предположении собранный ученым языковой материал, к анализу которого я перехожу. Несмотря на то что сведения о языке, вернее, списки слов, приводимые

Миклухо-Маклаем, очень невелики, несмотря на то что он сознательно не указывал, у каких племен фиксировались слова, считая это излишним ввиду кочевого образа жизни этих племен [Миклухо-Маклай 1951, III (1): 373], все-таки именно этот языковой материал дает возможность более уверенно и точно определить, у каких конкретно народов был Миклухо-Маклай, и осветить его роль в изучении аборигенов Малакки с современной точки зрения, поскольку, как мы увидим далее, его самооценка и наш взгляд на его деятельность в этой области расходятся.

Находясь дважды в южной части Малаккского полуострова, Миклухо-Маклай записал 65 слов явно немалайского происхождения, хотя все население говорило по-малайски. Это натолкнуло Миклухо-Маклая на мысль, что он собрал рудименты прежнего языка оран утан, т. е. джакунов, который позже был вытеснен и заменен малайским. Во время второго путешествия по северу Малаккского полуострова он записал 81 слово из языка жителей верховьев рек Келантан и Патани и обнаружил лексические совпадения с языковым материалом, собранным в южной части Малакки. Таким образом, ранее сделанный вывод о принадлежности племен внутренней части полуострова Малакка к меланезийской расе Миклухо-Маклай теперь подкрепил лингвистическим материалом, который, по его мнению, свидетельствует о наличии у них в прошлом общего языка. На юге полуострова этот язык сохранился в виде рудиментов, на севере — в живом функционировании.

Несколько слов следует сказать о языковом ландшафте полуострова Малакка. Хотя языки его обитателей вызывали интерес уже в начале XIX в., серьезные попытки их изучения были предприняты одновременно с этнографическими исследованиями только в начале XX в. Именно тогда В. Шмидт предложил научную классификацию этих языков, позже развитую Ч. Блэгденом и с различными модификациями, уточнениями и дополнениями существующую по сей день. В. Шмидт выделил австрийский ствол, состоящий из австроазиатской и австронезийской семьи языков. В австроазиатскую языковую семью входит мон-кхмерская группа языков, включающая языки семангов и сеноев (сакаев). В. Шмидт не считал, что языки джакунов относятся к австроазиатской семье или к мон-кхмерской лингвистической группе. В ряде статей В. Шмидт уточнял, видоизменял свою классификацию, но на принципиально той же основе [Schmidt 1901; 1906; 1926b]. Ч. Блэгден, лингвист, специально изучавший языки и диалекты аборигенов полуострова Малакка, создал более подробную классификацию. Он выделил у них два языка — семангский и сакайский — и шесть диалектов — два семангских и четыре сакайских [Skeat, Blagden 1906: 395–396]. Более поздние классификации языков основаны на классификации Ч. Блэгдена с большей или меньшей конкретизацией отдельных диалектов [Przylyusky 1924: 385–403; Pinnow 1963: 140–152; Headley 1976: 431–435]. В настоящее время имеется классификация аборигенных языков, предложенная учеными Сингапурского, Чикагского и Австралийского национальных университетов — Дж. Бенджамином, Ж. Дифлотом, К. Эндикоттом.

Австроазиатские языки Малаккского полуострова ученые называют термином *аслиан* («исконные», «аборигенные»). В них выделяется северная ветвь (языки семангов и сакаев, по старой терминологии), относящаяся к мон-кхмерской группе языков. Язык джакунов относится к австронезийской или малайско-полинезийской языковой семье [Benjamin 1976: 37–93; Difloth 1975]. Слова, которые Миклухо-Маклай записал у джакунов во время путешествия, считая их рудиментами древнего языка, родственного языкам семангов и сакаев, не являются таковыми, так как у джакунов никакого языка, кроме малайского или его диалектов, не могло быть. Конечно, он ошибся в определении языка джакунов, и при том состоянии изученности в этом нет ничего удивительного. Ошибались и современные исследователи, специально занимавшиеся проблемами мон-кхмерских языков. Такие лингвисты, как Ж. Пшилуски, Х. Пиннов, относили язык джакунов к мон-кхмерской группе, так же как языки семангов и сеноев [Headley 1976: 431–433]. Если во время первого путешествия Миклухо-Маклай записал слова не из языка джакунов, то встает вопрос, слова какого же языка он записал?

Прежде чем попытаться ответить на этот вопрос, хотелось бы подчеркнуть особую точность ученого в записи слов. Это хорошо видно по его записным книжкам. Миклухо-Маклай сам отмечает, что слова подбирал очень тщательно, два раза проверял их [АРГО 6. Оп. 1. №46: 60 об]. И действительно, в первоначальном списке у него было несколько малайских слов, такие как *диохот* (мал. *джахат* — «плохой») и другие, которые в публикацию статьи не вошли. Но несколько малайских слов все-таки остались в издании, такие как *бибир* или *ипох*. Миклухо-Маклай старался постоянно уточнять значения слов. Так, в записной книжке слово *чегн* имеет значение — «грудь» [АРГО 6 Оп.1. № 48: 48], но в окончательном варианте публикации он дает его правильное значение — «живот». Очевидно, не будучи твердо уверенным в правильном значении слова, он не решался публиковать его, проявляя порой излишний педантизм. Так, из его списка выпало и не вошло в публикацию слово *калтун* («колени»), которое имеется в записной книжке. Слово это очень важное, так как распространено во всех семангских и сенойских языках. Нередко одно и то же слово Миклухо-Маклай записывает в нескольких вариантах, добываясь эквивалентной передачи его звучания. Именно точность, даже скрупулезность записей слов у Миклухо-Маклая отмечал Ч. Блэгден и на этом основании включил их в свой сравнительный словарь семангских и сакайских языков, приложенный к двухтомному исследованию народов Малаккского полуострова, о котором уже не раз говорилось выше. Эта же точность записей Миклухо-Маклая позволяет сравнивать его слова со списком основного словарного фонда (146 слов) Малакки, составленным Дж. Бенджамином в 1975 г, из 20 языков и диалектов в современной транскрипции.

В списке Миклухо-Маклая и в списке слов Дж. Бенджамина имеются 48 совпадающих по звучанию и значению слов, некоторые из них совпадают буквально. Сравнение их привело меня к убеждению, что слова, которые

Миклухо-Маклай считал рудиментами древнего языка джакунов, соответствуют южносенойским диалектам семелай и темок. Ограничусь несколькими примерами:

	Миклухо-Маклай	Бенджамин
Земля	<i>atel, ate', ate</i>	<i>te', atey, atih</i>
Огонь	<i>us', oos</i>	<i>'o, us</i>
Гора	<i>benum, bnun</i>	<i>bônôm, bônôm̃</i>
Лес	<i>bri</i>	<i>bôrih</i>

В письме к О. Бётлинку Миклухо-Маклай указывает место, где собирал слова во время первого путешествия — Палон и Улу Индау (Палонг и верховья р. Эндау). В записной книжке место указано точнее — между Тенан и Эндау, именно в местах расселения племен семелай, темок, мах мери. Миклухо-Маклай посетил и собрал слова у очень интересных племенных групп, которые антропологически являются протомалайцами, т. е. близки к джакунам, но говорят на южносенойских диалектах, т. е. на языках монхмерской группы.

Весьма показательны и числительные, которые Миклухо-Маклай записывал везде, где бывал, обычно до семи. Они также совпадают с записанными в настоящее время видным исследователем аборигенов, бывшим главой Департамента по делам аборигенов в Малайзии И. Кареем и Дж. Бенджамином [Миклухо-Маклай 1951, III (1): 265; Carey 1976: 264].

Числительное	Миклухо-Маклай	Карей	Бенджамин
1	<i>moi</i>	<i>moi</i>	<i>muu, muu</i>
2	<i>potn, dua</i>	<i>duwa</i>	<i>duwa</i>
3	<i>npe</i>	<i>empik</i>	<i>hmpe, hmp</i>
4	<i>prui npun</i>	<i>empur</i>	—
5	<i>massok (?)</i>	<i>misohg</i>	—
6	<i>pru (?)</i>	<i>peruk</i>	—
7	<i>tempo (?)</i>	<i>tempoh</i>	—

В последних трех случаях Миклухо-Маклай поставил знак вопроса, но, как показывает сравнение со следующими записями, сомнения его были напрасны.

Когда материал для исследования столь невелик, то буквально каждое маленькое, как бы случайно сказанное замечание приобретает особый смысл. Современный исследователь аборигенных сенойских языков Ж. Дифлот отметил, что только у семелаев встречается слово *dak* со значением «вода» [Bendjamin 1976: 60–79; Difloth 1976: 264]. То же слово в том же значении («вода», «море») зафиксировано и у Миклухо-Маклая, что еще раз доказывает его принадлежность именно к этому племени.

Итак, Миклухо-Маклай считал, что он был только у джакунов и записал слова их уже исчезнувшего языка. Сопоставление же с современными записями аборигенных языков позволяет предположить, почти утверждать, что он был у племени семелай и у родственного ему племени темок (численность семелай в настоящее время 2300 чел., темок — всего 100 чел.) [Carey 1976: 250]. Эти племена живут в южной части княжества Паханг и до сих пор очень мало изучены, но исключительно интересны: они говорят на сенойских языках, но по образу жизни, культуре близки к джакунам, т. е. прото-малайцам. Естественно поэтому Миклухо-Маклай и считал, что находится у джакунов. Он оказался первым, кто побывал у этих племен, и сам признавал свою роль первопроходца. «По этому пути уже более года не проезжал ни один малаец, не говоря о европейцах, из которых не был ни один», — пишет он в дневнике 19 января 1875 г. [Миклухо-Маклай 1950, II: 185]. Перейдем к списку слов, который был им собран во время второго путешествия в верховьях рек Келантан и Патани на северо-востоке полуострова Малакка. Миклухо-Маклай считал эти слова сакайскими. По карте, составленной самим ученым, и по отдельным этнографическим описаниям, интерпретация которых в свете позднейших открытий отличается от предложенной Миклухо-Маклаем, я пришла к выводу, что был он все-таки в основном у семангов. Список слов, собранный им, также подтверждает это. Материалы Миклухо-Маклая совпадают с лексикой северной ветви аборигенных (по терминологии Бенджамина) или семангских языков (по принятой ранее терминологии). К ним относятся языки семангских племен батек де, кенсиу, кинтак, бонг, джехай, мендрик, минтил. Слова, собранные Миклухо-Маклаем, совпадают также с теми центральноаборигенными (по терминологии Бенджамина) или сенойскими языками и диалектами (по принятой ранее классификации), которые находятся в непосредственной близости к семангским языкам и диалектам. Это языки сенойских племен ланох ир, ланох джендженг. Подчеркнем, что именно в местах расселения семангов и был Миклухо-Маклай: джехай живут в основном в Кедахе, на юге Таиланда, батек — в Келантане, в северной части Паханга, мендрик — в Келантане, кинтак — в Пераке, на границе с Кедахом, кенсиу — в Кедахе [Carey 1976: 30–32].

Для наглядности я приведу несколько примеров из списка слов Миклухо-Маклая и списка Бенджамина, собранного из 20 языков и диалектов аборигенов северной и центральной части Малаккского полуострова. Напомню, что всего имеются 48 совпадающих в двух списках слов.

	Миклухо-Маклай	Бенджамин (племена батек де, кенсиу)
Живот	<i>tshегgen</i>	<i>cəŋ</i>
Волосы	<i>sok, sogk</i>	<i>sək, sok, sog</i>
Глаза	<i>med</i>	<i>mət, məd</i>
Вода	<i>tom</i>	<i>tom, təm</i>

Таким образом, Миклухо-Маклай считал, что во время первого и второго путешествий по Малаккскому полуострову он посетил джакунов и сеноев (сакаев) и видел только двух семангов. В действительности же он был у джакунов, у племен семелей и темок, говорящих на сенойских языках, а по образу жизни близких к джакунам, и у семангов. Ошибки Миклухо-Маклая сыграли в науке едва ли не большую роль, чем те открытия, которые, по его мнению, он совершил. У сеноев были исследователи и до него, он же оставил, пусть и весьма краткие, заметки о жизни местных племен, которые до 1875 г., по выражению У. Скита, были «terra incognita».

Есть еще одно открытие Миклухо-Маклая, которое обнаружилось только в конце 1970-х годов. Приведем небольшой отрывок, относящийся ко второму путешествию Миклухо-Маклая: «...на границе Пахана, Трингано, Калантана <...> встретил несмешанное меланезийское население — оран сакай, известное число их мне удалось видеть и на дальнейшем пути, на реке Аренг (приток Лебе)» [Миклухо-Маклай 1951, III (1): 350]. В тех же местах побывал и современный австралийский ученый К. Эндикотт. Он изучал религиозные представления семангского племени батек де. Обратившись к статьям Миклухо-Маклая, проанализировав его маршрут и сравнив собственные лингвистические материалы с записями слов Миклухо-Маклая, К. Эндикотт пришел к заключению, что Миклухо-Маклай был первым, кто побывал у этого племени, после него в течение 100 лет это племя не посещал ни один исследователь [Endikott 1979: VIII]. Миклухо-Маклай ни в путевом дневнике, ни в статьях не упоминает об этом племени. Но в одной из его записных книжек есть запись: «Мал. Улу Пахан нах.[одящаяся] оран-утан “батак”, отлич.[ающиеся] от плем.[ени] удай — менее дик.[ое], наз.[ывается] “батак дина”.— Мне гов.[орили] и что улу-Пахан батак употр.[ебляют] лук». Запись относится к 25 июля 1875 г. [АРГО 6. Оп. 1. № 48: 49]. В этой коротенькой записи содержится не только информация о его пребывании у племени батек, но и, как нам теперь известно, что это племя относится к семангам, так как они употребляют лук — типичное оружие семангов. К. Эндикотту, естественно, не была известна эта запись, он, по существу, реконструировал пребывание Миклухо-Маклая у племени батек де по опубликованному списку слов обитателей Улу Келантан (верховье р. Келантан). Обнаруженное ныне письменное свидетельство самого Миклухо-Маклая более чем вековой давности, безусловно, подтверждает реконструкцию австралийского ученого. Семангское племя батек де и сейчас представляет собой редкий тип чистых охотников и собирателей, сравнимых только с австралийскими аборигенами. Увлеченный поисками доказательств связей папуасов и жителей внутренних областей Малаккского полуострова, Миклухо-Маклай не придавал значения, вернее, не заметил важности своих свидетельств, и только сейчас можно сказать, что, зафиксировав свое пребывание у племени батек де, он сделал важное открытие, о чем даже не подозревал.

В одной из статей Миклухо-Маклай писал: «Моему продолжателю не придется тратить столько труда, как пришлось затратить мне на поиски ма-

териала, так как из моего краткого сообщения он узнает, где можно найти эти племена и в каких условиях ему придется работать» [Миклухо-Маклай 1951, III (1): 367]. Действительно, кое в чем он облегчил труд своим последователям. Миклухо-Маклай — выдающаяся личность и поэтому не нуждается в искусственном преувеличении его заслуг и открытий. Его краткие заметки об аборигенах Малаккского полуострова нельзя сравнивать с фундаментальными трудами, появившимися уже в начале XX в. Важно, что его работы были творчески использованы в последующих ученых трудах. Антрополог Р. Мартин на протяжении всей своей книги обращается к антропологическим изысканиям Миклухо-Маклая на Малаккском полуострове, критически оценивая его теорию происхождения негритосов [Martin 1903: 191, 195, 197, 203, 204, 206, 320, 407, 408, 1001–1005]. В двухтомном исследовании Скита и Блэгдена перепечатаны три фотографии из статьи Миклухо-Маклая с комментариями, что это лучшие экземпляры в его коллекции. На них явно выступают различия между сакаями и семангами, хотя Маклай этого не замечает [Skeat, Blagden 1906: 329, 414, 424, 425]. Несколько раз ученые ссылаются на материалы Миклухо-Маклая о так называемом *камфорном языке* — тайном языке сборщиков камфоры, употребляемом в качестве меры предосторожности против духов [Skeat, Blagden 1906: 329, 414, 424, 425]. Языковой материал, собранный Миклухо-Маклаем, был включен Блэгденом как ценнейший первоисточник в составленный им сравнительный словарь языков аборигенов. Неоднократно обращался к заметкам Миклухо-Маклая в сравнительно-типологических исследованиях выдающийся голландский ученый-миссионер Г. Вилкен. В частности, он ссылается на сообщаемые Миклухо-Маклаем сведения о страхе перед умершими у сакаев [Wilken 1912, III: 402–403]. Уже одного этого было бы достаточно, чтобы сказать, что часть научного наследия Миклухо-Маклая, касающаяся аборигенов Малаккского полуострова, навсегда вошла в этнологическую науку малайско-индонезийского ареала. Но к материалам Миклухо-Маклая обращаются и современные исследователи, и отнюдь не для того, чтобы оценить еще раз его мужество и заслуги как первопроходца, а потому, что его немногословные, но точные заметки не утратили своего значения и сегодня: они позволяют современным исследователям как проследить развитие аборигенов, так и объяснить неизменность их быта и культуры [Carey 1976; Endikott 1979]. Еще раз подчеркну, что наша сегодняшняя оценка его трудов в этой области не совпадает с тем, как он сам оценивал свою миссию на Малакке. Он несправедливо отвергал идеи своих предшественников, не замечая, что во многом исповедует те же взгляды. Он думал, что побывал у племен, о которых уже немало написано, а оказался первооткрывателем племен, у которых не был до него никто, и после него еще 100 лет ни один из европейских исследователей не ступал туда. Он считал, что имеет дело с одними и теми же по происхождению народами — меланезийцами, родственными папуасам, а фактически описал три разных по происхождению, антропологическому типу и языку народа, хотя думал, что был только у двух племен — джакунов и сакаев. Исходя из идеи единства расы и языка, он

считал, что открыл рудименты языка у древнейшего населения Малаккского полуострова, в действительности же его материалы показали родство семангских и сенойских языков, т. е. как бы подготовили почву для будущей классификации австроазиатских языков, в которой языки семангов и сеноев заняли свое место в мон-кхмерской группе языков. Идеи Миклухо-Маклая о существовании общего языка у джакунов, семангов и сеноев, весьма осторожные намеки на их связь с языком аэта Филиппин и папуасскими языками не подтвердились. Даже если принять существование единого австрического ствола, распадающегося на австронезийскую и австроазиатскую семьи (идея, высказанная еще В. Шмидтом и развиваемая Р. Одрикурмом), то и в таком случае папуасские языки выпадают из этой системы, так как не относятся ни к одной из названных семей. Свою главную заслугу ученый видел в открытии меланезийской расы на Малаккском полуострове, но это касается только семангов, и в определенной степени сделано было, в сущности, до него, хотя и по-иному сформулировано. Те открытия, которыми он гордился, ради них предпринял два нелегких путешествия, которым придавал первостепенное значение, в настоящее время интересны только для воссоздания исторической ретроспективы как факты научной биографии Миклухо-Маклая и истории науки. То, о чем он писал как бы попутно, лишь фиксируя сиюминутную действительность, и то, что должно было, с его точки зрения, служить подтверждением его главной идеи, со временем приобрело совершенно самостоятельную ценность, которую можно понять в свете последующих научных изысканий по проблемам аборигенного населения Малаккского полуострова. Если в конце XIX в. мимоходом сделанная им запись — «окажется, что моя работа — это приобретение для науки и каждый день, который я записал, будет иметь значение для науки» [АРГО 6. Оп. 1. № 50: 12] — могла быть расценена как излишняя самоуверенность, то сейчас в ней слышится нечто пророческое, осознание своего предназначения в будущем развитии науки. На сегодняшний день его небольшие заметки о народах Малаккского полуострова — в статьях, дневнике, записных книжках — действительно во многом пока остаются как бы неподвластными времени, они постоянно присутствуют во всех и в настоящее время не часто появляющихся публикациях по этнологии этого региона, их используют, как будто они были написаны только вчера.

Начиная подготовку к путешествию на Малаккский полуостров, Миклухо-Маклай преследовал еще одну цель, правда, по его словам, второстепенной важности, а именно: «ознакомление с малайцами и их социальным и политическим положением в странах, бывших совершенно в стороне от прямого влияния европейцев; в эти три месяца я получил, я думаю, более верное понятие о малайцах и их характере, чем во время почти трехлетнего пребывания в голландских колониях Малайского архипелага» [Миклухо-Маклай 1950, II: 234]. Свои материалы по малайцам Миклухо-Маклай нигде не публиковал, и среди его неопубликованных материалов нет никаких законченных или начатых работ или набросков, касающихся этой темы. Причину этого сам Миклухо-Маклай объясняет тем, что его сведения об-

легчили бы вторжение англичан, что противоречило его убеждениям. «Малайцы, доверявшие мне, — пишет он в письме к секретарю Русского географического общества, — имели бы совершенное право назвать такой поступок шпионством. Поэтому не ожидайте найти в моих сообщениях об этом путешествии что-либо касающееся теперешнего status quo, социального или политического, Малайского полуострова» [Миклухо-Маклай 1950, II: 238]. К жизни малайцев Миклухо-Маклай испытывал явный интерес, который проявился и в сознательной фиксации материала — в дневнике, записных книжках, и во многом бессознательно — в его творческой манере, в том, как он работал, фиксируя материал только для себя. Еще только собираясь впервые в этот регион, Миклухо-Маклай делает выписки из книги Фридриха Мюллера «Этнография». Он конспектирует три главы этой книги, посвященные австралийцам, папуасам и малайцам [АРГО 6. Оп. 1. № 12: 9–10]. На Малаккский полуостров он прибывает впервые в 1874 г., а в 1873 г., находясь в Восточной Индонезии на островах Тернате и Тидор, изучает малайский язык, записывает малайские числительные, отдельные малайские слова и выражения [АРГО 6. Оп. 1 № 28: 3–4, 10, 21–23, 26]. Вообще характерная черта его записных книжек, относящихся к Малайскому региону, — обилие малайских слов. Стремление овладеть малайским языком было вполне естественным, он был нужен для повседневного общения и в Индонезии, и на Малаккском полуострове, так как именно малайский язык издавна был средством межнационального общения в этом регионе. Оказавшись на Малаккском полуострове, он записывает в дневник все, что считает для себя интересным и важным, в том числе и сведения о малайцах, хотя, конечно, в первую очередь его записи относятся к племенам, населяющим глубинные районы страны. Из дневника мы узнаем о распрах и войнах между малайскими правителями, об убийствах, совершаемых в одних княжествах по приказу правителей других. Скорее всего, эти сведения и удерживали Миклухо-Маклая от публикации. Имеются в дневнике и весьма краткие данные об отношениях между малайцами и аборигенными племенами. Это прежде всего отношения взаимного страха: малайцы боялись оран сакаев, так как те, по его словам, «отдельвались от сношения с малайцами ядовитыми стрелами», оран сакай боялись быть схваченными и уведенными в плен малайцами. Изучая племена внутренних районов Малаккского полуострова, Миклухо-Маклай обращался к помощи малайских начальников, в ведении которых находилось управление аборигенами. Прежде чем отправиться в путешествие, он заручился рекомендательным письмом от султана, которое сохранилось в архиве Миклухо-Маклая [АРГО 6. Оп. 1. № 9]. Оно написано от руки в арабской графике на гербовой бумаге и вложено в конверт также с гербом. В переводе с малайского это письмо звучит так: «Сопроводительное письмо от светлейшего и достопочтимого господина великого правителя Джохора, данное высокородному господину по имени Маклай, когда он отправился на реке Муар. И пусть каждый вождь или другой человек, который встретится с ним, поможет ему, если у него будут трудности, то мы выражаем надежду, что каждый, кто встретит-

ся с этим господином, окажет ему помощь. Все, что нужно ему для дела, пусть возьмет для своего путешествия. Во время своей работы он желает видеть все леса, джакунов и собирается делать рисунок этих людей. Пусть все вожди и другие люди оказывают ему помощь в его намерениях, не отказывают. Да будет с нами Аллах, Джохор Бару, 7 день Зулкаедн, 1291».

В своей работе Миклухо-Маклай прибегал к помощи проводников и переводчиков. В дневнике он дает выразительные характеристики этим юдам, довольно точно уловив такие черты малайцев, как услужливость, вежливость, — черты, составляющие необходимый компонент малайского стиля поведения и этикета и издавна отмечающиеся всеми, кому пришлось соприкасаться с этим народом. Миклухо-Маклай несколькими штрихами создает образы малайских начальников — мягких, нерешительных, с интеллигентной физиономией, но и людей с характером, который также проявляется в физиономии. Словесные характеристики дополняются и портретными зарисовками малайских мужчин и женщин, но их несравненно меньше, чем портретов аборигенов.

Во время первого путешествия Миклухо-Маклай был у джакунов, но, по-видимому, не сразу осознал, что находится среди аборигенов, а не малайцев, ввиду их большого внешнего сходства с малайцами и употребления малайского языка. Очевидно, этим обстоятельством можно объяснить, что некоторые его записи в записных книжках первоначально относились к малайцам, а позже при обработке их в дневнике — к джакунам. Например, сведения о том, что мужчины женятся на молодых девушках, о распространении топора с гибкой рукояткой, об антропологическом типе. Позже, поняв, с каким народом он имеет дело, Миклухо-Маклай в записной книжке отметит сходство между джакунами и малайцами: «NB. Я не мог часто отличить спутствующих меня малайцев от якун» [АРГО. Оп. 1. № 45: 31 об] — и выделит этот момент в дневнике, о чем я уже говорила в начале статьи. Он объяснит и причину сходства этих народов — браки между малайцами и женщинами оран утан. Начав понимать, что имеет дело с разными народами, Миклухо-Маклай не только научился различать их, но даже описал черты характера джакун, как бы противопоставляя их малайским. Таким образом, он дал характеристики обоим типам личности: «Оран утан говорливы, живы, даже очень, просты в обращении по сравнению с малайцами», [АРГО. Оп. 1. № 46: 42] — делает он заметки в записной книжке.

Миклухо-Маклая интересовали детали малайского быта: он делает зарисовки малайских домов, дает подробнейший план внутреннего устройства малайского жилища, тщательно фиксирует в рисунках внутренние покои малайского правителя (очаг, диван, другие элементы обстановки) [АРГО. Оп. 1. № 48: 48, 54], отдельно дает рисунок орнамента деревянной резьбы на окнах малайских домов, орнамент на каменных гробницах султанов [АРГО. 6. Оп. 1. № 47: 21–22, 61], зарисовывает облик священных мест, усыпальниц султанов и первых министров малайских княжеств. В описаниях быта аборигенов он часто пользуется малайскими реалиями, некоторые из них сам подробно объясняет: *атап* — покрытие для крыши, *пондо* — на-

звание наклонного заслона из пальмовых листьев, образующих одновременно и крышу и стены, *чавт* или *тидиакко* — набедренная повязка. В записной книжке Миклухо-Маклай подробно описывает рецепт приготовления рисовых лепешек (*лепет*), завернутых в пальмовые листья, особенно любимых малайцами и аборигенами. Есть отдельные свидетельства, что он собирался написать работу о физическом развитии малайцев от рождения до совершеннолетия [АРГО. Оп. 1. № 48: 43, 53], он обращает внимание на физический облик малайцев, особенности бытового поведения, на одежду, украшения. Делаются краткие заметки о цвете лица малайцев, об их привычке размахивать руками при ходьбе, вытгивать губу, показывая на что-либо, об их умении не выказывать удивления, вежливо уклоняться от нежелаемой темы разговора, сказав только *тра тау*, *тра боле* («не знаю, невозможно») [АРГО. Оп. 1. № 50: 20]. Все эти отрывочные сведения о малайском быте, характере и этикете никогда не были собраны воедино ни самим ученым, ни другими. Они остались в кратких путевых заметках. И только представляя себе его стиль работы, при котором краткие заметки для себя могут превратиться в подробные описания (именно такой его метод хорошо прослеживается при сравнении записных книжек и дневника первого путешествия по Малаккскому полуострову), можно предположить, во что могли вылиться эти беглые записи о малайцах и какое познавательное значение они могли бы иметь в конце XIX в. Весь этот материал стал известен по более поздним трудам малайистов, но и сейчас он интересен тем, что отражает определенные черты характера, особенности поведения малайцев в повседневной жизни, которые часто ускользают от внимания исследователей, интересующихся социальной или культурной жизнью народа, подчас пренебрегая элементами бытовой культуры.

А теперь несколько слов следует сказать о роли малайского языка у Миклухо-Маклая. Выше говорилось о том, что еще до поездки на Малаккский полуостров он начал изучать, во всяком случае, разговорный малайский язык, о чем свидетельствуют записи в записных книжках. Позднее он довольно хорошо ориентировался в этом языке: об этом говорит не только употребление им малайских слов, часто без пояснений. Это относится к дневнику путешествия и особенно к записным книжкам. В дневнике имеются более 50 малайских названий, титулов, выражений, реалий, употребленных в тексте не только когда речь идет об аборигенах, но и от своего имени. Например, передавая речь джакунов, он воспроизводит следующий диалог: «Сегодня с рассветом все женщины с детьми исчезли. «Таку», — объяснили мне мои люди. «Оран-лиар», — прибавили они. Пиги чори макан» [Миклухо-Маклай 1950, II: 162]. Смысл диалога требует пояснений: «Боятся, они дикие. Пошли искать себе еду». В данном случае употребление малайских выражений для передачи речи аборигенов естественно. Иногда Миклухо-Маклай вставляет малайские слова в собственную речь, в таком случае его текст также требует пояснения. Например «Кубур Сайд — находится совершенно в лесу, но теперешние жители предполагают, что темпо дулу здесь было большое селение» [Миклухо-Маклай 1950, II: 200]. *Темпо*

дулу — малайское «раньше, в прежние времена». И таких мест в его дневнике, особенно в записных книжках, не так уж мало.

Надо сказать, что Миклухо-Маклай старался как можно ближе передать звучание малайских слов при помощи русских букв. Написанные иногда сразу слова, выражения, названия местностей в записных книжках были правильнее по звучанию, чем потом, когда он переносил свои записи в дневник. Вообще он стремился выработать определенные принципы передачи звуков малайского языка русскими звуками как можно ближе к оригиналу. Можно заметить и некоторые характерные для Миклухо-Маклая ошибки в восприятии малайских звуков, которые, возможно, объясняются особым произношением их аборигенами. Так, *nenem* (безударное «е») он передает через «о»; губные: употребляет «м» вместо «б», звук «п» в начале слова часто отсутствует.

Разговорный малайский язык стал, по-видимому, настолько привычен для Миклухо-Маклая, что, путешествуя по Сиаму, на границе с Малайей, он записал тайские слова основного словарного фонда (это он делал везде, где бывал) с малайскими эквивалентами. Его записная книжка в этом отношении выглядит очень необычно: малайские слова, переданные русскими буквами, и их тайские эквиваленты, также переданные русскими буквами, — и разобраться в них можно, только зная, одновременно, русский, малайский и тайский языки.

Кроме разговорного, Миклухо-Маклай в какой-то степени, вероятно, владел и письменным малайским языком, во всяком случае, ему явно нравилась арабская графика, несколько подписей к своим рисункам он сделал на малайском языке в арабской графике, в записных книжках часто встречаются слова, записанные арабским шрифтом. Дневник его первого путешествия по Малаккскому полуострову начинается с фотографии, где изображен автор с мальчиком Ахматом, а сбоку сделана аккуратная надпись арабскими буквами на малайском языке: «Н. Н. Миклухо-Маклай, господин из России». В конце дневника имеются два очень хороших рисунка также с подписью на малайском языке в арабской графике. Одна из них: «Это Джохор Танджунг Сурат, 25 месяца Зулхиджа», вторая: «Это дом сиамского князя». Записные книжки его пестрят арабской вязью, чувствуется, что арабская графика удовлетворяла его эстетические вкусы художника.

Интересы Миклухо-Маклая к малайцам до сих пор не получали освещения, отчасти потому, что сам ученый не собрал воедино заметки, ничего не подготовил для публикации. Это, на мой взгляд, не главная причина. Главное — что пути Миклухо-Маклая и малайцев до сих пор не пересекались. Случись это раньше — история русской малаистики могла бы начинаться с его имени, ведь Миклухо-Маклай в конце XIX в. оказался чуть ли не единственным ученым в России, знавшим образ жизни малайцев и малайский язык. Но этого не произошло. И теперь, когда встреча Миклухо-Маклая с малайцами в какой-то степени состоялась, можно лишь с большим запозданием представить до сих пор не известную страницу творческой биографии ученого.